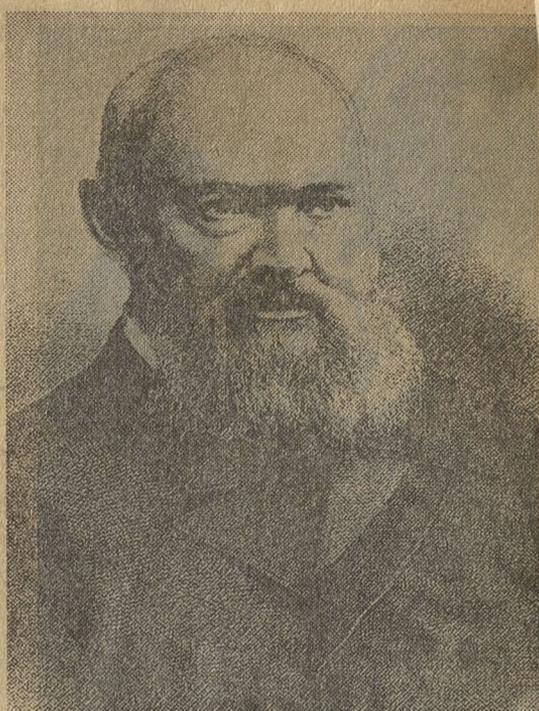

14 ИЮН 1986

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Слушать Островского

Исполняется 100 лет со дня смерти
Александра Николаевича
Островского, имя которого
бесконечно дорого и значительно
для России и русского театра.

Островский внес огромный вклад в дело создания русской национальной культуры, продолжая традиции, начатые Грибоедовым и Гоголем. «Только после Вас, — писал Островскому И. А. Гончаров, — мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой, русский, национальный театр. Он по справедливости должен называться — «Театр Островского».

Островский — это целая эпоха в российской культуре.

Островский — это русская речь во всем ее многообразии.

Островский — это театр, это — мастерство построения сюжета, это гражданственная позиция, исследующая нравственные стороны общества.

Наконец, Островский — это слово! Великолепное, звучное, точно найденное.

Не говорите, что Островский устарел — этот старый замосквореченец, — что нужно его почистить, осовременить, дополнить и украсить. Его нужно читать! Внимательно. Серьезно.

Когда Николая Капитоновича Яковлева — одного из старейшин Малого театра — спросили, как вы готовите роль в пьесе Островского, он сказал:

- Я читаю ее.
- А дальше?
- Еще раз читаю. Читаю каждый день.
- А дальше?
- А дальше — играю то, что прочитал.

И не зря старые мастера Малого театра говорили, что Островский «слушал» свои пьесы. Попробуйте прислушаться, как звучит реплика Крутицкого из комедии «На всякого мудреца довольно простоты» — самой острой, самой злой его комедии:

- «— Уж вы того очень...»
- Что?

— Очень, то есть прилежно... ну, очень изурять себя... не надо очень-то...».

Прелесть! Я долго бился над этой репликой, попробуй что-то переставить в ней или пропустить — не та будет музыка. И нынешний зритель — я, как никогда, почувствовал это в последние годы — ощущает эту музыку и реагирует на нее.

Или еще из той же комедии. Мамаев говорит Глухой-матери:

- «— Я знаю, что вы живете небогато и жить не умеете; так зайдите ко мне как-нибудь утром, я вам дам...»
- Покорно благодарим.
- Не денег, нет, а лучше денег. Я вам дам совет относительно вашего бюджета».

Островский сам, как великий режиссер, ведет через свой текст актера, как бы указывая, что проходное, что главное, самим текстом — щедрым и ярким — обозначает характер персонажа. Он не терпит отсебятины, перестановки слов, его надо только верно читать, угадывать и произносить. Сначала это кажется иногда длинным, грузным, неудобным — надо потерпеть, помучиться, привиннуть, послушать эту напевность речи, и она польется потоком, как стихи! Будет наполняться мыслью и красками. И из этого вырастет как следствие образ человека. Его характер. Старуха Анфуса в «Волках и овцах» не имеет ни одной сколько-нибудь осмысленной фразы — речь ее состоит из «Да уж... Где уж... Куда уж...». Но как полно и как ярко жила в этих «уж» Варвара Николаевна Рыжова, можно было только удивляться!

В тех же «Волках и овцах» Глафира говорит одним языком — она девушка из Петербурга, Кулавина — другим — она жительница уездного города и помещица. Лыняев имеет свою фразеологию, Беркутов — свою. Несчастливцев из «Леса» произносит текст возвышенно, театрально, словно он на подмостках сцены — он актер.

Я играл в четырех пьесах Островского. Роль Аркашки Счастливецца прошла через всю мою жизнь и стала одной из любимых. Ему было и двадцать лет, и сорок, и шестьдесят пять. Я прошел через гротескное, озорное решение этой роли в блистательной, дерзкой постановке Вс. Мейерхольда, оригинальность которой диктовало время революционного, новаторского театра. Прошел через нечто среднее в постановке Малого театра тридцатых годов, где роль стремились излишне осерьезнить. И только в последней версии я понял, что нужно просто быть верным Островскому, а не искать, например, трагизм там, где его нет. Аркашка не ощущает трагизма своего положения, жизнь научила его всему — он терпелив к невзгодам. Трагизм его биографии должен ощущать зритель! Не надо

искать в Островском нечто недописанное им, выдумывать то, чего в пьесе нет. В Аркашке намешано очень много — если все это осмыслить, образ вылепится сам. Он и непосредствен, и дурашлив, и озорной, и веселый, в нем ощущается и своеобразное благородство, и гордость, и способность прощать — он великодушен. Наконец, в нем живут преданность искусству и святое чувство товарищества.

Ведь как только не пытаются «дописать» «Лес»! На сцене появляется постель Гурмыжской и прочие проистекающие из этого подробности, которые дурачат публику безвкусицей, скабрзностью и водевильностью ситуации. А между тем «Лес» — великолепная поэтическая песня об актерах. Это светлый гимн благородству, гимн униженным и оскорбленным, чей труд Островский любил и глубоко уважал и хотел воспеть! Противопоставив бездомных скитальцев-комедиантов комедиантам сытого мира, ханжам и эгоистам.

— Что же такое, что я актер? — говорит Несчастливцев. — Всякий обязан делать, что умеет. Я ведь не разбойник, я честным, тяжелым трудом добываю хлеб свой.

Кроме того, «Лес» — еще и светлый, чистый мир Аксютки, счастьем которой «люди мешают, люди, которые власть имеют». А если кому-то так уж хочется приукрасить Островского, пишите в афишах честно — «по мотивам». Ведь мы воспитываем поколение тех, кто должен знать Островского чистым. Без примесей.

Наконец, о диалогах Островского. Как они великолепны! Искусство диалога — это искусство занимательного движения сюжета — вперед. К поступку. И невольно вспоминается Ольга Осиповна Садовская, которая говорила: «Ты мне — петельку, а я тебе — крючок». Из этих петелек и крючков непрерывно вырастает диалог очень точный, непрерывно развивающийся.

Островский подробен. Поэтому длинен. Но театры его времени играли пять актов с антрактами. И подробности Островского, несколько тормозящие действие, всегда содержательны и интересны, они служат украшением пьесы и обычно с наслаждением играют актеры.

Островского надо играть просто, ярко и правдиво. Я замечаю, что приверженность к естественности, «жизненности», игре как бы от себя часто приводит нас к однообразию и пресности. Но каждый автор требует своих красок. Островский — не Гоголь, хотя и пошел по пути, открытому им, и не Салтыков-Щедрин. И вовсе уж не годится для водевилей и мюзиклов. Островский брал серьезные, социальные, мучившие его темы и воплощал эти темы в живые образы. А мы подчас, проявляя невежество и неуважение к его труду, желая осовременить его пьесу или обострить ее, то есть «прочесть по-новому», облегчаем затронутую им проблему, «увеселяем» ее, превращая в нечто развлекательное, то, что должно бы вызывать раздумье. Наша задача, играя Островского сегодня, показать, как живучи пороки старого общества — развлекательность уводит зрительское восприятие в иное русло (а ну-ка поглядим, что новенького придумали театр и постановщик?!), и социальная острота затронутой темы, подпираемая окарикатурными, придуманными образами, становясь шаржем, уводит нас от воспитательной цели, которую ставил перед собой великий драматург.

Островский оставил нам великолепнейшие сюжеты, удивительный язык Замоскворечья, старой Москвы и уездных волжских городков, и это наследство надо беречь, как бережем мы памятники архитектуры от разрушения и перестройки — ведь это то, что никогда уже не повторится.

От всего своего актерского сердца хочу отвесить низкий поклон этому гиганту-труженику, влюбленному в театр. Сколько удивительных созданий он нам оставил, как щедро откликнулся на все гражданственные проблемы современности, скольким актерам написал в подарок к их юбилеям яркие, блистательные роли, скольким дал радость прикосновения к чудесным образам, обогатившим и украсившим их биографию!

Островский — великий учитель актера, и его надо «слушать». Он сам приведет куда надо.

И. ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда.